

УДК 801.81(=512.154)

ПУБЛИЦИСТИЧНОСТЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПОЭТИКИ В КЫРГЫЗСКОЙ ДИАСПОРЕ

В.К. Сабирова, Г.Б. Эрнарарова

Рассматривается публицистичность фольклорной поэтики в кыргызской диаспоре.

Ключевые слова: диаспора; публицистика; историческая родина; эстетические идеи; фольклорные произведения.

PUBLICITY OF FOLKLORE'S POETIC IN KYRGYZ DIASPORA

V.K. Sabirova, G.B. Ernazarova

Diaspora is the most visible of carrying a charge of ethnic cultures of social groups. Folklore with elements of journalism is considered to be an effective mechanism of relations development.

Key words: diaspora; publicity; historical homeland; aesthetic ideas; folklore works.

Диаспора, «в отличие от этнической группы, всегда институционализована и несет в себе не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание» [1, с. 18], тем самым придавая новый социокультурный смысл существованию и различным проявлениям творческого духа ее членов. Негативные изменения в обществе, экономическая нестабильность, рост бедности, снижение качества образования, падение уровня многовековой культуры кыргызов ведут к конфликту традиционного типа мышления и нового уклада жизни. Опасения Ж. Урманбетовой, Ш. Акмолдоевой и Ж. Ниязовой [2, с. 65–78], связанные с угрозой опасности нравственного упадка молодежи, у которой уже появляется тенденция к смене нравственных ориентиров, сомнительных для традиционного кыргызского общества (брошенные дети и родители, рост преступности, проституции, насилия, воровства) все чаще становятся реальными. Бездуховность, бескультурье, безграмотность становятся нормой. При разрушении нравственных устоев страны актуальным стал вопрос о возрождении этнических ценностей [3, с. 20].

Никогда у кыргыза-кочевника не могло возникнуть и мысли о варварском, хищническом отношении ко всему его окружающему. Окружающая природа, являясь средой обитания и вечным домом для кочевника, становилась для него учителем, духовным отцом, как бы призывая своим примером к рациональности, простоте, разумности. В течение тысячелетий эти уроки Природы впитывались

в душу кочевника, историческую память, становясь абсолютной и бесспорной Истиной [4, с. 114–115]. Кочевник не стремится закрепить постигнутое пространство, для него не суть важно, когда это произошло, более важно – что это происходит все время, безотносительно прошлого, настоящего и будущего времени. Это не фиксация времени, это жизнь в реальном времени, которое есть здесь и сейчас. При этом он включает в себя и то, что было, и то, что будет. Движение пространства через его осмысление осуществлялось в самой жизни. Именно поэтому время не линейно, а циклично: круг как отражение цикла жизни, круговерти веков. Кыргызы сохранили этническое своеобразие и культурные традиции, соблюдаемые представителями этноса, независимо от места проживания. И литература также обретает самобытные черты только во взаимодействии с другими.

Волнуют представителей кыргызской диаспоры и вопросы сохранения культурных традиций. Например, кто будет исследовать богатое мастерство кыргызов? Именно на этот вопрос предпринята попытка ответа в жанровой форме плача-причитания *кошок* народной причитальщицы Гулан Шакировой с Жергетальского района Республики Таджикистан (РТ): *Булбулдун тили эки ача, Мундудун уну башкача Кукуктун тили эки ача. Куйгондун уну башкача. Эрте менен сайраган, Булбулдан ундуу бар бекен? Арзгойдум деп ыйласам, Менен да мундуу бар бекен? Саар менен сайраган.*

Кукукон ундуу бар бекен? Арзгойдум деп ыйласам. Менден да мундуу бар бекен? Арзгойдум апам барында, Буттоо бир эде бойрогум, Бурмолув эде койногум. Арзгойдум апам отту да, Буттоо бир бойрок босулду. Ак жолукка гул тиккен, Ар дово тартып уй тиккен, Ак уйунун ичиге, Айымдарды туноткон. Ак шумкар кушка бов чалган (У соловья язык раздвоен, А при плаче голос дрогнет. Язык кукушки тоже сдвоен, А при скорби горло глохнет. Соловей, что утром встал, Разве он будет уставать? Я плачу горько и скорблю, Разве, как все, я не терплю? Кукушка, утром разбудив, Громче птиц других кричит. В скорби, в горе том большом, Сравнится ль с плачем кто-то том? Жива была моя бы мать, Могла ли рана так зиять? В бессилье рву одежды я. Родная мать ведь умерла, Душа вся в ранах навсегда. Платок цветком украшен тут, На поле дом, а в нем живут, В том доме чистом и большом, В ночи красавицы уснут. И связан сокол светлым днем). Плач исполнялся не раз на фестивалях культур этносов РТ и даже был записан в журнале [5, с. 27].

Связано в один тугой узел все: скорбная тоска от горечи потерь, осознание временности человеческой жизни, покорная усталость от осознания тягостной судьбы, смирение перед мудростью веков, брэнной природы человеческой участи и вечного верховенства красоты и добра. Так, перед нами возникает феномен не только кыргызской литературы, но и культуры Таджикистана.

Еще одна вариация жанра песни арман является производной от легенды, связанной с вполне реальной исторической личностью – со старшим сыном легендарной «алайской царицы» Курманжан-датки, имевшей чин полковника царской российской армии, – Абдылдабеком [6, с. 14–15]. В ней есть такие слова армана (песни-жалобы) Абдылдабека, сына Алымбека и Курманжан-датки. Это народная песня, бытующая в Сарыколе (Памиро-Алае) на земле Таджикистана: *Оягы Ташкент козгоду, Аркасы Сайран козгоду, Кутчу менен Мундуздан, Элетти кочмон кыргыздан. Кара-Ункур менен Кабаадан, Арыстанбап менен Чарбактан, Масы менен Шаймандан, Жалгыз буудан Четиден, Анжияндын бетиден, Абдылдабек козголуп, Ак олпокко болонуп, Ак желекке жолонуп. Абдылдабек дегеним, Алымбектин баласы* (Там Ташкент вроде восстал, Здесь Сайран весь поднялся, Племена Кутчу, Мундуз, кочевой восстал кыргыз. С Кара-Ункура и Кабаа, с Арсланбоба и Чарбака. Из Масы и из Шаймана, И из малого Чети, Из верховий Анжияна, Абдылдабек восстал упрямо, Светлым чувством одарен, Ярким флагом озарен. Говорю Абдылдабек я, Сын я хана Алымбека).

Сто восемьдесят четыре строки данной песни, созданной по законам эпического жанра, повеству-

ют о драматических страницах истории этнических кыргызов. Есть здесь – **экспозиция** (описание мест действия и героев до начала конфликта): *Ак жолборстой Шер байлап, Алтын Айчыктуу туу кармап, Бедоо минип жоо жандап, Уртук салды боз атка. Таярлык кылды казатка, Тилла калкан кийинип, Жоо дегенде суйунуп. Энкейишке эр сайып, Экооду катмар тен сайып. Батыр Мамыр баш болуп, Айтса конул каш болуп, Орокчусун чогултуп, Мусират берсе алам деп, Азим шаар Коконго* (Словно тигра Шера взяв, Знамя с месяцем подняв, Верхом выйдя на врага, Серых скакунов седлая, Приготовился к походу, Золотых одежд доспехов, Радуюсь боям с врагом. Мужеством себя наполнив, Встали рядом все по двое. Сам Мамыр батыр во главе, Вниманье людей собирая, Сабленосцев набирая, Время нужно ожидая, В Коканд-красу направляя).

Далее идет **завязка** (выступление против российских колонизаторов): *Ханылашкер болом деп, Файы такка минем деп. Улук улуглугун билгизип, Ариет учун чеп байлап. Ак боз атка нар байлап, Алтымьши кундон кеп байлап, Сепкилдуу атка нар байлап. Сексен кундон кеп байлап. Тогуз жерден жаткызып, Аркадан келген каапырды. Уч катардын аткызып. Карарып калды чатырлар. Кармаша берди баатырлар, Тигилип калды чатырлар, Тиктеше берди баатырлар. Тил билбеген каапырлар, Кайта турган болду эди. Убадасын бекемдеп, Айта турган болду эди* (Хочет стать он воеводой, Восседать на троне том. Показать, что он велик, В обороне крепость строя. Попоной украсив коней, Собирает шестьдесят дней. Хромых лошадей и верблюда, Восемьдесят дней готовясь, Девять раз об землю стукнув, В неверных, что сюда пришли, В три ряда стрелял заставил. Почернели все палатки, Но держались все батыры, Вновь поставили палаты. Но смотрели вдаль батыры. Не зная языка капыры, Хотели было уйти. Обещанье закрепить, Сказали, что уже пошли).

Затем идет **кульминация** (момент признания поражения Абдылдабека, военного и морального, вследствие действий предателя он разбит, бежит на Памир): *Усту жагын караса, Уч жуз солдат корунду. Тил билбеген каапырдын, Огу чыкты бызылдап. Ону коруп беглерим, Кача берди тызылдап. Данкы кетти далайга. Сары баштуу каапырдан. Ыктай бердин Алайга, Ортобузда Кызыл-Арт Ашып кеттин жан бегим. Ушуп кетти жан бегим... Качып журуп каапырдан, Кучун кетти жан бегим. Кара-Колго тушкондо, Башкы-Сууга жеткенде, Катта, кичуу чогулуп, Дубана датка, Алибек, Сейитбек датка, Ботобек, Эрданабек, Тойкулбек, Эн кичиги Эшимбек. Кан азат минген Кадырбек, Карчыгадай Жайчыбек, Жети-сегиз саркарда, Кайтырлар*

кеткен эмести. Тил билбеген чурчутко, Барыплар калдын Бурчутко Уртук салдын сабылга, Барыплар калдын Кабылга (Если он наверх посмотрит, Солдат видится три сотни. У неверных, безъязычных, Завизжали пули быстры. Увидав то, бедолаги. Врассыпную убегали. Но пошла молва такая, Светлых волосом капыров. Путь направили в Алай, В середине Кызыл-Арт Одолел хозяин мой. И опомнился, милой... Убегая от неверных. Силы все твои ушли, Когда прибыл в Каракол, Только вроде в Башкы Суу, Собрались и стар и млад, Дубана датка и Алибек, Сеитбек датка и Ботобек, Эрданабек и Тойкулбек, Самый младший Эшимбек. И верховой Кадырбек, И громадный Жайчыбек, Семь иль восемь воинов, Не возвратились разве ли... Не знавший даже твой язык, В Бурчуте встретился таджик. Ты скакал, что было сил, И уже попал в Кабул).

Завершает все *развязка* (завещание родным похоронить его на родной земле): *Ботом деп мага боздосун, Арбагымды сыйласын, Азарым тартып ыйласын. Аккары кийсин бутуга, Ыраазы болсун байбиче, Бизге берген сутуго. Уай, Омарбек, датка аке. Чыгып ла кетсе жанымды, Алып кет жуктоп танымди. Арканды беи кат буктой кор, Гулушо карап жуктой кор. Кызыл-Артты ашыргын, Гулушо-го жашыргын, Эгиз кетер кабырды. Ыйлабай кылыгын сабырды, Асанбек, Маамыт жигарим. Болбоду менин бемарим. Кундон-кунго оорлоп, Пастап барат касалим* (И пусть рыдает по мне моя мать. Мой скорбный дух уважите те, Пусть плачут все, кому меня жаль, Пусть мать обуется в ичиги. И пусть довольна моя байбиче. За долг – своей груди молоко. Братья мои, Уай, Омарбек, Если вдруг я испущу сразу дух. Тело мое не бросайте-ка тут, В пять слов сделайте вы канат, В сторону Гульчи донесите его. Переходите через Кызыл-Арт, Только в Гульче схороните меня. Поставьте в ряд могилы стены, Не плачьте только, это обряд, Родные мои Асанбек и Мамыт, Нет, одолела хворь уж меня. День ото дня хуже болит. Лишила всех сил болезнь моя).

События происходили почти полтора века назад, но в устной истории этнических кыргызов сохранилась не только основная драматическая линия действительных событий, но сохранились точные географические названия мест происходящих действий (Жанырык, Кызыл-Арт, Каракол, Ак-Байтал, Аксуу, Мургаб, хребет Гой-Тезек, Кундуз, Бурчут, Кабул), имена реальных исторических лиц перемежаются с вымышленными, реже – искажаются (например, предателя Мамадемина звали Исманкул, а курбаши Мирахур назван Мур корбашы). Историки (Б. Жумабаев) не берутся судить о подлинной судьбе Абдылдабек-хана, но в народной памяти его печальная участь описана ярко,

сочно, вызывая сильное эмоциональное потрясение, как и положено в искусстве слова. Скорбью полны слова главного героя, осознавшего горечь признания потери своей идеи (Элим Алай толгон жок... Кокон колго тийген жок \ Мой народ на весь Алай ... Коканд я тоже не захватил) по поводу гибели соратников (Кудайкул пансат, Ардай, Менек, Токе, Сабай, Тенизбай, Батыр Мамыр, Чемчебия сын Мети-соловей, Мура корбашы, Калча, Омарбек датка). В плане лексики интересно отметить диалектизмы, характерные для речи южных кыргызов (маалда \ пора, зайып \ женщина, тилла \ золото, жатыплар \ жатышыптыр, абат \ шаар, кылабда \ сумка, кузоткон \ встречал, кастанат \ суранат, аккары \ ичиги, жигарим \ родня (букв. «печень моя»), пастап \ снижается, касалим \ моя болезнь, чурчут \ таджик, барыплар \ пришли, кайтыплар \ вернулись, катта \ большой, мусират \ время). Все фонетические особенности могут быть напластованиями индивидуальной артикуляции сказителей-передатчиков данной истории. Но произведение в результате не теряет очарования от немодных (увь!) ныне патриотических идей: *Киндик кесип, кир теккен. Гулнур шаардан жылбасын (Там, где капала кровь с пупка. Не покидайте Гульчу вы пока).*

В очерке «Алтайские мотивы» Ш. Дуйшеева, посетившего Саяно-Алтайскую автономную область России, говорится о ритуальных обычаях [7, с. 31]. При приветствии гостей женщина /киши человек из дома/, разводит в очаге огонь и, выдувая дым от горящих веток ели, произносит слова заговора, оставшегося с древних времен и имеющего сходство с песнями шаманов: *Алас, алас, алас. Алас! Ак-Буркандан от алас! Айдуу-Кундуу Тенирим! Жыгач Таштуу Алтайым! Сарсанаага салбагын, Санаалууга бербегин, Тартышканга салбагын. Талашканга бербегин... Бешикте балан коркпосун. Айылында кырсык болбосун, Аякта чайын соолбосун! Алты эшиктуу Абаган, Уч эшиктуу Ужебе! Алтын баштуу Ата-Жер. Эмчек баштуу Эне-Жер. Амандыкты улап-тур, Эсендикти сурап тур! Оп куруй! Оп куруй! Оп куруй! (Алас, алас, алас! Алас! Алас огнем святого Буркана! Лунно-солнечный Тенир! Древесно-каменный Алтай! Отгони печаль, тоску, К числу считанных не гни, Не гони к нужде, спаси Ты от тех, кто в споре жив... В люльке пусть малыш поспит. А село-то спаси от горя, И пища пусть не стынет зря, Абакан, где есть шесть входов. Ужебе, где три двери! Златоглавое Отечество, Полногруда мать-Земля. Пусть мы будем все здоровы, Пусть мы будем все живы! Оп куруй! Оп куруй! Оп куруй!)*

Обращают на себя тройные повторы обращений к высшим, непостижимым человеческим раз-

умом, всемогущим силам – «Алас!», «Оп куруй!». Непременно они помогают в обустройстве людей, если взывать к ним чистосердечно и прямодушно. Это вечный день при солнце и ночью под луной Тенир (Небо), полный горных лесов Алтай, златоглавое Отечество, полногрудая Мать-земля. Они обязательно сохраняют города Абакан с шестью воротами в него и трехдверный Ужебе, зимнее становище кочевников (айыл), где живут представители кыргызского этноса. Слова, становящиеся сакральными в результате артикуляции и движений камлания, обретают смысл уже в самом факте своего осуществления.

Феномен обращений к природным силам, географическим объектам родины говорит о таком факте, что предкам было важно передать для потомков дифференцирующие этнос факторы: территория (место обитания), язык (кыргызских предков), культура (материальная и духовная), психологическое самосознание, экономическая жизнь. Естественно, ежедневная бытовая жизнь тесно переплетена с традиционными обрядами, вечными ценностями и нравственными идеалами в виде героев больших и малых жанров фольклора, представляющих собой устную «энциклопедию жизни кыргызов».

Песню на вечный бродячий сюжет – мотив неразделенной любви в рубрике «Ашыгылык ырлары» собрал Айткул Керим [7, с. 44]. Имя девушки Толукжан, означающее «полноценная», «драгоценная», дало название дивному по своей красоте стихотворению в 133 строки. Он называет ее «душа моя», «моя краса», «душа душеньки моей», многочисленны фигуры сравнения («как тростник», «как мед», глаза «как звезды»). Признание в любви полно нежности, обожания, преклонения и восторга перед женской красотой и величием, аналогии возникают со стихотворением «Мадонна» А.С. Пушкина. Те же откровенность, умиление, покорность судьбе, капризам нежного создания: *Кымбат баалуу куручтун, Кызыл болот данасы, Кызыгышып ойноорго, Кыз экен адам сарасы. Баары Толук тунугум, Периштеси улугум, Тегиз Толук тунугум, Дегдеттин мени тунугум. Кыз Толук сизди ырдадым* (У риса дорогого – В зернах красноту, А в людях ценят строго Все девичью красоту. А с Толук же нашей ясной Даже ангел не сравним, Луноликой и прекрасной Я уже давно раним. И душа моя с огнем Ищет выход хоть куда, Кыз Толук, я впечатлен, На тебя смотрю, дрожа).

Оно близко с точки зрения жанровой принадлежности к лирической поэме. Здесь есть лирические черты литературного произведения (отражение чувств, мыслей, переживаний; наличие лирического героя; эмоциональный пафос; сти-

хотворная форма речи; множество изобразительно-выразительных средств) и эпические черты (событийная линия; хронология поступков героев; описание мест действий; авторское отношение к событиям; образная система). В ней повествуется о череде повседневных событий, неоднократных встреч с героиней, сложные взаимоотношения с односельчанами, особенно муллами, которые, забыв свои книги с молитвами, бесстыдно любят женской красотой. Не потому ли от имени всех лирический герой восклицает: *«Куйдум бутун дуйнодо, Жан Толукжан озуно»* (Я за весь за белый свет благодарен, что ты есть). Если рассмотреть с позиций стиховедения словесно-речевой строй поэмы, то можно отметить звуковые повторы в виде **анафор** («**Ак** калтар сенин белинен, **Ак** чий саз сенин жеринен», «**Ышкында** болдум убара. **Ышкыны** салдын башыма», «**Кымбат** баалуу куручтун, **Кызыл** болот данасы, **Кызыгышып** ойноорго, **Кыз** экен адам сарасы», «**Быкынынан** чымчысам, Кептердей мойнун толгосом. **Беш** оролуп чачына, **Бегиме** басып уктасам», «**Жан** Толукжан зирегим, **Жашта** куйор журогум. **Жан** Толукжан базарым, **Жаман** аттуу азарын») и **эпифор** («Жаба коюп **китепти**, Басып барат **жанына**. Ката коюп **китепти**, Карап барат **жанына**», «уч жыл жаттым шал **болуп**, Куйутуно дал **болуп**, Артында журдум ашыгып, Бир корушко зар **болуп**», «Ичимди зардап суу **кылдын**, Ичкен ашым уу **кылдын**», «Алма гулдойт **багында**, Ак урдум сенин **дагында**. Жийде гулдойт **багында**, Чыдабай куйдум **дагында**», «Баары Толук **тунугум**, Периштеси **улугум**, Тегиз Толук **тунугум**, Дегдеттин мени **тунугум**. Арка чачын **кундуздай**, Козун чолпон **жылдыздай**). Есть тут и **риторические обращения**: «Кыз Толук сизди ырдадым» («Кыз Толук, я о вас пою»), «Жаным курбум Толугум» («Ты душа моя, Толук»), «Жан Толукжан зирегим» («Ты моя краса, Толук»), «Кор кылбагын, Толукжан» («Не губи ты, Толукжан»), **вопросы**: «Чыгар беле арманым?» («Разве была б жалоба?»), «Табылар беле амалым?» («И нашел бы я судьбу?»), «Кандай кетем элинен?» («Разве я уйду от вас?»). Что касается словесного и образного строя произведения, идет речь не о какой-то конкретной девушке, а о красивых девушках, и любую из них можно назвать «толукжан», что значит «достойная», «красотка», «милашка», «раскрасавица». Ведь неслучайна версия происхождения этнонима «кыргыз» от слов «кырк кыз» («потомки сорока девушек») Карахана.

Итак, на основе вышеизложенного можно сделать вывод о публицистичности фольклорных текстов, что проявляется в отражении повседневного быта, этнического менталитета и культурных

особенностей социальных групп. Независимо от места проживания, представители кыргызского этноса несут в себе заряд этнической культуры, который очень ярко проявляется именно в фольклорных явлениях словесности.

Литература

1. *Полоскова Т.* Современные диаспоры: внутрисполитические и международные проблемы / Т. Полоскова. М., 2000. 189 с.
2. *Юнг К.* Феноменология духа в сказке: Культурология. XX век / К. Юнг. 331 с.
3. *Курманов З.К.* Об исторической самоидентификации кыргызстанцев / З.К. Курманов // История и идентичность: Кыргызская Республика. Бишкек, 2007. 290 с.
4. *Сарыгулов Д.* XXI век в судьбе кочевников / Д. Сарыгулов. Бишкек, 2001. 195 с.
5. *Каримов М.* Материалы из статьи Мирзахалима Каримова / М. Каримов // Аалам кыргыздары: Международный общественный литературно-художественный журнал. 2009. № 2.
6. *Абдылдабектин арманы* // Аалам кыргыздары: Международный общественный литературно-художественный журнал. 2010. № 14.
7. *Керим А.* Ашыглык ырлары [Текст] / А. Керим // Аалам кыргыздары: Международный общественный литературно-художественный журнал. 2009. № 2.